

Дмитрачков П. Ф.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ КОРНЯХ И ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ОСНОВЕ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА: НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются научно-методические аспекты изучения в курсе отечественной истории программных материалов, связанных с этнонациональной проблематикой, и в частности, с вопросами, которые касаются исторических корней и генетической основы белорусского этноса.

Ключевые слова: этнос, этническая территория, этногенез, генофонд, исторический возраст этноса, славяно-балтский синтез, балтский субстрат.

The article deals with the scientific and methodological aspects of the study of program materials related to ethnic and national issues, and in particular, the issues related to the historical roots and genetic basis of the Belarusian ethnic group in the course of national history.

Keywords: ethnic group, ethnic territory, ethnogenesis, genetic fund, historical age of ethnic group, Slavic-Baltic synthesis, Baltic substrate.

В современных условиях, когда возрос интерес к прошлому Беларуси, актуальность приобрела этнонациональная проблематика отечественной истории и, в частности, те вопросы, которые касаются этногенеза белорусов. В той или иной степени эта проблематика нашла отражение в учебных программах по истории Беларуси и не только исторических специальностей.

Однако у многих студентов даже историко-филологического факультета нет ясного представления о самих научных понятиях, на которые опираются ученые, изучающие проблему происхождения народов. Поэтому важно в соответствующих темах выделить эти понятия и прежде всего основное, можно сказать, базовое – этнос.

Этот термин, как известно, греческого происхождения, в научной же литературе он стал использоваться в XVII–XVIII вв. и не потерял своего смысла и значения. Рассматривая это понятие, необходимо обратить внимание студентов на тот факт, что этнос – это устойчивая общность людей, близких по происхождению, исторически складывающаяся на определенной территории и характеризующаяся наличием единого языка, общих черт в культуре и даже в психологии людей. При этом люди, составляющие этнос, осознают свою принадлежность к нему, у

них имеется этническое самосознание, которое выражается в разных формах, в т.ч. и в самом названии – этнониме.

В современной научной литературе этносы называют и «этническим сообществом» различных уровней, от метаэтноса до субэтноса и, кроме социальных и культурных черт, учитываются также расовые и генетические особенности. «...Под категорией этноса, – пишет А. Микулич, – обычно понимают этнические сообщества в виде популяций – то есть этнокультурных групп с общим происхождением и антропо-психологическими особенностями...» [1, с. 97]. В таком смысле этносы рассматриваются многими учеными, хотя создать общую теорию этноса так и не удалось.

Следует привлечь внимание студентов и к важности изучения той территории, на которой складывались и развивались этносы. В научной литературе она обозначается термином «этническая территория». Российский ученый Н. Гумилев назвал ее «месторазвитием этноса». Этническая территория не только объединяла этносы пространственно-географически, с ней непосредственно связана среда обитания людей, от которой во многом зависела их хозяйственно-экономическая деятельность, образ жизни, быт, особенности культуры, менталитет народа, его национальный дух. На этой же территории определялось и закреплялось коренное население, становившееся основой этноса, его генофонда, в эту территорию уходили и исторические корни этноса.

Студенты также должны знать, что важнейшим термином, который используется учеными, разрабатывающими этнонациональную проблематику, является «этногенез». В учебной литературе он, как правило, рассматривается в узком смысле – «происхождение народа». Но это понятие имеет более широкое значение – это процесс формирования этноса, включающий как начальные этапы его возникновения, так и историю становления, когда определялись антропологические, лингвистические и этнографические особенности. «...Этногенез, – пишет российский ученый А. Севастьянов, – это период становления этноса от зарождения до степени консолидации, позволяющей ему выйти на арену истории в качестве единого субъекта, осознающего свое единство и свои коллективные цели и интересы. То есть в качестве коллективного «мы»...» [2, с. 51].

Опираясь на эти и другие общетеоретические материалы, мы можем проследить и процесс становления и развития белорусского этноса. При этом имеются основания утверждать, что исторические корни белорусского этноса уходили в первобытную эпоху, каменный век, когда шло заселение и освоение человеком белорусских земель, определилось автохтонное население, представленное древними этническими общностями. Таким населением можно считать племена финального палеолита, оставившие гренскую археологическую культуру, выявленную в Верхнем Поднепровье, а затем и в других регионах. Мнение об автохтонности племен гренской культуры обосновано по результатам своих исследований В. Ф. Копытин, его поддержали и другие археологи [3]. Они же считали, что автохтонный характер определенной части населения белорусских земель сохранился в мезолите и неолите, что подтверждает анализ отложившихся тогда археологических культур.

Таким образом, каменный век стал важнейшим периодом в этнической истории Беларуси. Уже тогда белорусские земли являлись объектом активного освоения древними этносами. Изменилась и природная среда, менялась хозяйственная жизнь, в конце неолита на юге прослеживаются элементы производящего хозяйства, появилось керамическое производство. Росла и численность населения, но миграции уже не играли главной роли, на территории нашей страны тогда обитало несколько этносов, т.е. в этническом отношении население не было однородным.

Определенная преемственность в развитии этнических процессов сохранилась и в эпоху бронзы, когда происходило расселение индоевропейских племен и образовались новые этносы, в частности, балты и славяне. Археологические материалы свидетельствуют, что местное неолитическое население в ходе расселения пришельцев не было уничтожено, а продолжало сосуществовать, а затем и слилось, т.е. было ассимилировано индоевропейскими племенами шнуровой керамики. Внимание студентов следует обратить на то, что преемственность в развитии этнических процессов на белорусских землях со времени

расселения этих племен подтвердили данные антропологии и генетики, а это позволило не только реконструировать физический облик древнего населения Беларуси, но и более объективно и глубоко раскрыть многие вопросы этногенеза белорусов, определить генофонд белорусского этноса, его исторический возраст. Генофонд, по мнению белорусского антрополога А. Микулича, является биологической основой этнической популяции, это – «...совокупность наследственной информации, зашифрованной в генетических структурах организмов...» [1, с. 97].

Антропологические и генетические материалы, собранные и систематизированные белорусскими учеными, наиболее полно и обобщенно изложены в 9-ом томе издания «Беларусы» (Минск, 2006). Анализ этих материалов, а также археологических данных позволил сделать вывод, что исторические корни белорусского этноса уходят в весьма отдаленные времена заселения белорусских земель, после отступления ледника (IX тыс. до н.э.), а преемственность населения прослеживается с эпохи бронзы и сохранена была до нашего времени, ибо как отмечают авторы издания «Беларусы», «...нягледзячы на разнастайныя і разначасовыя міграцыі, ніколі не знішчалася поўнаццо папярэдняй насельнікі». Белорусы, по их мнению, как популяция коренных жителей «вядуць свой радавод на працягу прыкладна 130–140 каленаў, г.зн. пачынаючы амаль за 1,5 тыс. гадоў да н.э...» [4, с. 538]. Таким образом, исторический возраст белорусов составляет примерно 3,5 тыс. лет. Современных белорусов, отмечал А. Микулич «...можно с уверенностью считать наследниками местного древнего населения...» [1, с. 104].

Анализ данных археологии, антропологии, генетики, ономастики, лингвистики, этнологии и даже письменных источников позволяет выяснить и территориальную и демографическую основу белорусского этноса. Эти вопросы рассматриваются в темах учебной программы, относящихся к истории Беларуси раннего средневековья и важно выделить материалы об этнической ситуации, которая сложилась тогда на белорусских землях.

Она, как известно, определилась славянской колонизацией Восточной Европы, в т.ч. и территории нашей страны, в результате чего на белорусских землях расселились три группы восточных славян: дреговичи, радимичи и кривичи, точнее, часть кривичей. Это был существенно важный исторический момент, с которым непосредственно связан этногенез белорусов. С этого времени, а хронологически оно датируется VI–IX вв., изменился не только состав населения белорусских земель, но выявились те этногенетические процессы, в результате которых в дальнейшем сформировалась белорусская народность. Поэтому в исторической науке средневековому периоду всегда уделялось большое внимание и, изучая этнонациональную проблематику, важно опираться на новейшие исследования и, в частности, те, что касаются оценки дреговичей, радимичей, кривичей, как и других славян, расселившихся на просторах Восточной Европы. Тем более что не только в популярной, но и учебной литературе оценки эти не всегда верные, чаще всего их называют племенами или союзами племен. Однако это не соответствует исторической реальности. Многие современные историки отмечают, что восточные славяне тогда обладали высоким уровнем развития, и было бы неверно оценивать их объединение терминами, применяемыми к истории первобытного общества с его родоплеменным строем. Восточные славяне были организованы в более сложные объединения как этнокультурного, так и социально-политического характера.

На это указывали участники дискуссии, организованной редакцией в 2016 г. журнала «Studia Slavica Balcanica Petropolitana» по теме раннесредневековых славянских общностей. Так, отвечая на поставленные вопросы, российский историк, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета А. Горский отметил, что «...применение понятия «племя» <...> заведомо архаизирует общественный строй раннесредневековых славян...» [5, с. 5]. По мнению участника дискуссии А. Плетерского доктора археологии, доктора истории, научного советника (Институт археологии Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств, Любляна, Словения), названия славян в письменных источниках фиксируются «...относительно поздно, причем они, по большей части, представляют собой обозначения, даваемые тем или иным группам славян со стороны» и указывали «на их географическую принадлежность...» [5, с. 7]. А. Горский и А. Плетерский ответили, что не

используют понятие «племя» при изучении этнической истории славян раннего Средневековья (во время дискуссии высказывались и другие точки зрения).

Оценивая восточных славян, расселившихся на белорусских землях необходимо учитывать и то обстоятельство, что они испытывали воздействие балтов, находившихся в этом регионе до прихода славян. Роль балтов в этнических процессах, развивавшихся на белорусских землях (она отражается понятием «славяно-балтский синтез») прослеживали многие историки как дореволюционной России, так и советского времени. В конце 60-х годов XX в. на страницах журнала «Советская этнография» состоялась даже научная дискуссия о взаимодействии славян и балтов, вызванная публикациями российского археолога, историка В. Седова, в которых он отстаивал теорию «балтского субстрата», на основе которой он и его сторонники объясняли происхождение белорусов.

Проблема отношений славян и балтов активно обсуждалась белорусскими учеными и в постсоветский период и важно, чтобы студенты ориентировались в спорах, которые развернулись по данной проблематике. Эти споры не прекратились и в настоящее время и возвращаются они вокруг теории «балтского субстрата». Определены две точки зрения: 1) балтский субстрат стал основным фактором этногенеза белорусов, их особенности сложились именно под воздействием балтов; 2) балты стали субстратом для дреговичей, радимичей и кривичей, расселившихся на белорусских землях и нет оснований преувеличивать их влияние, в ходе славянской колонизации балты были частично вытеснены, а многие ассимилированы.

Вторая точка зрения более распространена и отражена в обобщающих изданиях по истории Беларуси, в т.ч. и в учебных пособиях. «...Змешванне славянскага насельніцтва са старажытнабалцкім, – адзначаецца в 9-ом томе издания «Беларусь», – суправаджалася складанымі этнічнымі працэсамі, у выніку якіх апошняе было асімілявана славянамі...» [4, с. 81–82]. Белорусы же как этнос сложились позднее, в XIII–XVI вв. Поэтому дреговичей, радимичей и кривичей следует рассматривать как своеобразные этнографические образования, в культуре которых сочетались и славянские, и балтские черты. Белорусский этнолог М. Пилипенко писал, имея в виду дреговичей, радимичей и кривичей: «... Они – не племена и не союзы племен, а сформировавшиеся протонародности начального этапа раннеклассового общества...» [6, с. 45]. Своеобразие дреговичей, радимичей и кривичей признает и белорусский археолог, историк Г. Штыхов. «...Гэта былі, – пішет он, – якасна новыя прабеларускія ўтварэнні, у якіх пераважалі славянскія рысы і якія займалі своеасаблівае месца сярод іншых усходнеславянскіх этнасаў. Увабраўшы ў сваю культуру шэраг балцкіх элементаў, яны адрозніваліся спецыфічнымі рысамі славянскай культуры, што ўзніклі пад уздзеяннем балтаў...» [7, с. 34].

Но Г. Штыхов, как и некоторые другие белорусские историки, преувеличивал влияние балтов на славян, расселившихся на белорусских землях, видел у них этнические отличия от других славянских групп, колонизовавших Восточную Европу. Поэтому внимание студентов следует привлечь и к точке зрения другого известного белорусского археолога, историка Э. Загорюльского. Он также признает роль балтского субстрата, но не рассматривает дреговичей, радимичей и кривичей как какие-то новые этнические образования, вышедшие за рамки славянской общности. По его мнению, летописные племена – это представители одной древней славянской общности, имевшие только этнографические особенности, сложившиеся в результате ассимиляционных и миксационных процессов. «...Да часу свайго новага рассялення з усходнеславянскай прарадзімы, – пішет он, – славяне ўжо змаглі сфарміравацца ў больш высокі тып этнічнай супольнасці, блізкай да народнасці...» [8, с. 26]. Но и Э. Загорюльский не отрицает наличие у дреговичей, радимичей и кривичей определенных специфических черт, сложившихся под воздействием балтов. Он писал: «...Рассяліўшыся ў новых мясцінах, у асяроддзі іншамоўнага і іншакультурнага насельніцтва, усходнія славяне не маглі не адчуць на сябе ўздзеянне з боку мясцовых этнасаў. У выніку асіміляцыйных і міксацыйных працэсаў у розных груп славян з'явіліся некаторыя спецыфічныя рысы ў культуры, звычаях, нормах, вераваннях, аб чым, дарэчы, гаворыцца і ў летапісы...» [8, с. 26].

Вместе с тем было бы неверно и недооценивать роль балтов в этнической истории Беларуси, хотя бы потому, что они были основным населением белорусских земель до прихода славян, причем с древних времен. Что же касается воздействия субстрата на этногенез белорусов, то его нельзя свести только к балтам. На белорусских землях, в разных регионах и в разное время находились и финно-угры, и готы, и иранские этнические группы и все они оставили свой след. Финно-угорское влияние, например, прослеживается даже в антропологических чертах населения северо-восточной Беларуси. Пребывание готов на Брестчине подтверждают памятники Вельбарской археологической культуры. На ирано-славянские связи указывали в своих исследованиях Б. Рыбаков и В. Седов. Они отразились, отмечал Б. Рыбаков, в украинско-русско-белорусском фольклоре.

Безусловно, в учебном курсе по истории Беларуси невозможно глубоко и полно осветить все аспекты сложной проблемы этногенеза белорусов. Но важно выделять существенные моменты, опираясь на современные научные представления и, в частности, на концепцию преемственности коренного населения Беларуси. Резкого разрыва в историческом развитии белорусских земель не наблюдалось ни в древности, ни в средневековье, ни в последующие времена. А этнические изменения происходили в соответствии с законом адаптации, что позволяло белорусскому этносу формировать качества, обеспечивавшие ему реально возможное существование в конкретно складывавшейся природной и социальной среде обитания.

Литература:

1. Микulich, А. Беларусь в генетическом пространстве (Антропология этноса) / Предыстория белорусов с древнейших времен до XIII века / Составление, перевод, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск: Харвест, 2011. – 544 с.
2. Севастьянов, А. Н. Этнос и нация / А. Н. Севастьянов. – Москва: Книжный мир, 2008. – 192 с.
3. В развитии гренской культуры В. Ф. Копытин выделил два этапа: ранний – финально-палеолитический и поздний – раннемезолитический. Подр. См.: Копытин, В. Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В. Ф. Копытин. – Могилев, 1991. – 62 с.
4. Беларусь. Т. 9. Антропология / Л. І. Цягака [і інш.] – рэд. кал. Л. І. Цягака [і інш.] – Мінск: Беларус. навука, 2006 – 575 с.
5. Горский, А. А. «Племя» в славянском мире в раннее Средневековье (Форум) / А. А. Горский, Плетерский А., Пузанов В. В., Шувалов П. В. // «Studia Slavica Balcanica Petropolitana». – 2016. – № 1 (19).
6. Пилипенко, М. Ф. Возникновение Белоруссии. Новая концепция / М. Ф. Пилипенко – Минск: Беларусь, 1991 – 142 с.
7. Штыхаў, Г. Насельніцтва зямель Беларусі ў IX–XIII стст. (вытокі беларускай народнасці) Штыхаў Г. // 3 глыбі вякоў. Наш край) Гісторыка-культуралагічны зборнік – Мінск: Навука і тэхніка, 1992.
8. Загорюльскі, Э. М. Заходняя Русь IX–XIII стст.: вучэбны дапаможнік / Э. М. Загорюльскі – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 240 с.